

Ольга Валентиновна Попова

доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой политических институтов
и прикладных политических исследований
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: o.popova@spbu.ru; pov_64@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК

В статье исследуется трансформация отношения населения России к коррупционным практикам и ее отдельным формам в последнее десятилетие, а также к проводимой в стране антикоррупционной политике. Приведены данные мониторинга ВЦИОМ на эту тему с 2005 г. по настоящее время. Представлены результаты всероссийского исследования, которые позволили дать оценку распространенности коррупционных практик у российской молодежи во всех регионах. Автор выявляет векторы изменения государственной антикоррупционной политики в период с 2006 по 2018 г. по результатам изучения дискурсивных практик первых лиц государства и нормативных государственных актов и обосновывает тезис о зависимости восприятия населением распространенных коррупционных практик от принятых в обществе и конкретном социальном слое культурных норм, эффективности функционирования управленческих структур в государстве и стратегий государственной антикоррупционной политики, особенностей трактовки сущности коррупции в официальном дискурсе. Кроме того, автор рассматривает такие особенности массовых взглядов, как укоренение во всех социальных группах представления о тотальной коррупции в госструктурах, синдром привыкания к коррупционным практикам вследствие отчуждения населения от власти, более терпимое, лояльное отношение к коррупции на фоне сохранения неприязни к чиновникам-коррупционерам, двойные стандарты в оценке коррупционных практик в парадигме «свои-чужие», отношение к взятке на бытовом уровне как «цене» разрешения конфликта ценностей, и, наконец, выявляет наиболее типичные методические проблемы, с которыми исследователи сталкиваются при изучении отношения населения к коррупционным практикам и коррупции в стране в целом.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные практики, восприятие коррупции, борьба с коррупцией, население страны, молодежь,

общественное мнение, эмпирические исследования, методические проблемы исследований.

Задача борьбы с коррупцией – один из наиболее заметных пунктов в повестке дня российской политической элиты; периодически в центре внимания СМИ оказываются коррупционные скандалы и судебные разбирательства, посвященные этой теме. Согласно данным официальной статистики, борьба с коррупцией в РФ проводится достаточно активно, ее накал с середины «нулевых» годов не снижается. Так, в 2016 г. выявлено около 33 тыс. преступлений коррупционной направленности, в 2017 г. – 29,6 тыс. (Беришвили 2018). Количество возбужденных дел меняется незначительно, как и доля судебных решений по коррупционным преступлениям. В 2014 г. осуждены за коррупционные действия в РФ 10784 человека, в 2017 г. – около 9900 человек. Таким образом, пропорция возбужденных уголовных дел и судебных решений сохраняется на уровне 3:1.

Проблема распространения коррупции и реакция населения на эти неформальные нелегальные практики остаются в зоне внимания ведущих исследовательских и аналитических центров в России, а также специализирующихся по этой теме исследователей (Коррупция в России 2018; Китова 2016: 164; Леонтьева 2010: 45-51; Мухаметшина 2017). Анализ показывает достаточно тревожную картину в массовых настроениях. Например, согласно данным опроса ВЦИОМ (май 2018 г.) каждый пятый респондент – 24% опрошенных – думает, что во взяточничестве погрязло все общество (Коррупция в России 2018). Проведенный в марте 2018 г. «Левада-центром» всероссийский опрос показал, что более 50% россиян убеждены в повсеместной коррупции в России («во всех структурах берут взятки») (Мухаметшин 2017). Эксперты ИНДЕМ полагают, что не менее чем 65% чиновников из исполнительной власти берут взятки; этот показатель не снижается с 2006 г.

Оценки коррупции в официальном дискурсе. Анализ различных интернет-источников (сетевых дискуссий, постов, высказываний в мессенджерах) свидетельствует, что лидеры общественного мнения в интернет-пространстве сформировали и внедряют в массовое сознание определенное видение

политики антикоррупционной борьбы в России. Опираясь на трансформирующийся официальный дискурс в отношении коррупции в стране (акцент делается на доминировании определенных идей по поводу природы коррупции и стратегиях борьбы с ней в высказываниях главы государства и/или главы правительства, а также на особенности принятых правовых документов), неформальные лидеры общественного мнения выделяют следующие периоды и транслируемые публично политической элитой России оценки коррупции в стране:

– 2006 г. – декларация того, что коррупция является следствием несовершенства системы законодательства;

– 2008 г. – серия заявлений высших должностных лиц в стране о доминировании в России «бытовой»/ «низовой» коррупции, с которой и надлежит бороться соответствующим органам правопорядка и силовым структурам;

– 2009 г. – заявление политиков о необходимости ведения комплексной борьбы против коррупции;

– 2011 г. – серия заявлений о низкой правовой культуре граждан, позволяющей чиновникам совершать противоправные коррупционные действия (в интернет-пространстве это интерпретируется как стремление власти перенести ответственность за разгул коррупции в стране на рядовых граждан);

– 2012 г. – заявления о низком уровне разоблачения коррупции чиновников, что, по мнению гражданских активистов, дало толчок к более активным антикоррупционным действиям правоохранительных органов («начались активные “посадки” проворовавшихся чиновников»);

– 2013 г. – признание комплексности негативных эффектов коррупции, к которым следует отнести:

а) ограничение нормального функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления;

б) препятствие проведению социальных преобразований и модернизации российской экономики;

в) рост социальной напряженности в обществе;

г) рост недоверия к государственным институтам;

д) усиление негативных компонентов имиджа России на международной арене;

– 2015 г. – постановка задачи искоренить коррупцию среди чиновников;

– 2018 г. – институционализация требования уничтожения коррупции, что нашло свое отражение в нескольких нормативных актах. Особое внимание гражданских активистов привлекает Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы», который опирается:

а) на политику антикоррупционного образования государственных и муниципальных служащих;

б) привлечение активной общественности / общественных организаций к борьбе против коррупции;

в) на усиление активности антикоррупционных силовых структур (действие с прямым эффектом) (Указ Президента РФ № 378, 2018);

– август 2018 г. – объявление об инициировании в регионах при поддержке субфедеральных органов власти исследований уровня распространенности коррупции в рамках реализации Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг.; предполагается на основе массовых опросов выяснить уровень «бытовой» коррупции и использовать их результаты для ускорения данного явления. Гражданские онлайн-активисты характеризуют этот проект как циклическое возвращение к попыткам 12-летней давности возложить ответственность за коррупцию в стране на низшие слои общества и «вывести из-под удара» проворовавшихся чиновников высокого ранга;

– ноябрь-декабрь 2018 г. – внесение в Государственную Думу РФ Министерством труда нового антикоррупционного законопроекта, запрещающего учителям и врачам принимать даже недорогие подарки, за исключением цветов, что в комментариях в интернет-пространстве рассматривается как продолжение политики переноса ответственности за коррупцию на низшие слои социума¹.

Динамика отношения населения к коррупции в стране. Результаты более чем 10-летнего мониторинга ВЦИОМ свидетельствуют о некотором увеличении доли людей, признающих успехи российских властных структур в антикоррупционной борьбе (Коррупция в России 2018). Данные табл. 1 показывают наличие тренда к постепенному, очень медленному росту доли людей,

¹ URL: <https://rtvi.com/news/pravitelstvo-zakonoproekt-vrach-uchitel-podarki/>

которые убеждены, что в стране делается многое для борьбы с коррупцией (в 2005 г. – только 3% опрошенных, в 2018 г. – 12%), или хотя бы просто замечают не слишком значительные позитивные сдвиги (в 2005 г. – 27%, в 2018 г. – 43%). Постепенно снижается доля людей, которые считают, что ничего не изменилось (в 2005 г. – 44%, в 2018 г. – 25%), как и тех, кто полагает, что картина стала даже хуже (в 2005 г. – 21%, в 2018 г. – 13%).

Анализ различных источников позволяет сделать вывод, что около 2/3 взрослого населения страны оценивают уровень коррупции в Российской Федерации как высокий и очень высокий. Наиболее чувствительными к коррупции, считающими уровень ее распространения опасно высоким, являются люди среднего (от 40 лет) и старшего (от 50 лет) возраста, обладающие небольшими доходами и высоким уровнем образования. Хотя

Таблица 1

Мониторинг оценки гражданами России эффективности антикоррупционной борьбы, %*

Вопрос: «Руководство страны постоянно говорит о необходимости борьбы с коррупцией. Видны ли Вам результаты этой борьбы, скажем, за последний год или нет?»

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Варианты ответа	Г о д									
	2005	2006	2007	2008	2012	2013	2015	2016	2017	2018
Да, в стране делается многое для борьбы с коррупцией	3	7	4	7	7	7	11	7	11	12
Результаты есть, но они не слишком значительны	27	33	32	32	38	38	38	33	44	43
Реальных результатов нет, все остается как было	44	44	38	43	38	41	33	35	25	25
Ситуация становится даже хуже, коррупция только усиливается	21	10	12	10	13	11	13	17	15	13
Затрудняюсь ответить	5	6	14	8	4	3	5	8	5	7
Индекс борьбы с коррупцией	-35	-14	-14	-14	-6	-7	3	-12	15	17

* Источник: ВЦИОМ, 20–21 мая 2018 г., объем выборки – 2000 человек, телефонное интервью (Коррупция в России 2018).

до 4/5 населения лично в течение нескольких месяцев со случаями коррупции не сталкиваются, однако мнение о распространенности коррупции остается стабильно массовым.

Примерно треть населения страны не имеет скольконибудь внятного представления о проводимой в государстве антикоррупционной политике. Наиболее очевидны для граждан страны такие меры, как возбуждение в отношении коррупционеров уголовных дел или увольнение уличенных в коррупции должностных лиц (не менее 1/3 граждан проявляют к этому интерес). Проведение антикоррупционной пропаганды в СМИ замечают не более 30%, а осуществление контроля за доходами и расходами чиновников – каждый пятый. Наименее привлекают внимание граждан такие системные меры, как принятие направленных на противодействие коррупции нормативных правовых актов, антикоррупционные проверки чиновников, в том числе на наличие конфликта интересов, обеспечение доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти и МСУ, исключение личного взаимодействия с чиновником (МФЦ, портал «Госуслуги» и т.д.), антикоррупционное просвещение (обучение) чиновников и иных граждан, организация работы различных комиссий на уровне регионов по координации усилий различных органов власти в целях противодействия коррупции, проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов и т.д. (Следует отметить, что одной из причин низкой эффективности антикоррупционного просвещения (обучения) чиновников является то, что его чаще всего проходят люди, занимающие должности, не позволяющие им в действительности распоряжаться какими-либо ресурсами.)

Эффективность антикоррупционной борьбы в целом оценивается населением достаточно низко, что связано, с одной стороны, с недостаточной информированностью граждан о комплексном характере ее проведения, убежденностью людей в том, что сама система управления, не предполагающая ответственности чиновников перед гражданами страны, «заточена» на перераспределение государственных финансов, с другой стороны, с доминированием в массовом сознании представлений о «избирательности» действий в отношении чиновников. Последняя особенность коррелирует с общепринятой оценкой «бытовой», низовой кор-

рупции как рутинной практики, позволяющей оперативно решать вопросы и не затрагивающей интересы государства. Коррупция в массовых представлениях соотносится, прежде всего, с незаконным использованием чиновниками в целях личного обогащения различных ресурсов и с перераспределением государственных средств не в интересах решения проблем общества.

При интерпретации результатов опросов общественного мнения о состоянии коррупции в стране и об эффективности борьбы с ней необходимо учитывать целый комплекс трудно-разрешимых для исследователей методических проблем. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются следующие:

1. Результаты массовых социологических опросов фиксируют лишь субъективное представление респондентов о ситуации, а не реальную ее картину.

2. Респонденты в ходе опросов проявляют склонность демонстрировать вербально социально одобряемое поведение, что может не соответствовать привычным для них рутинным практикам.

3. Оценка ситуации с «бытовой» коррупцией (в больницах, детских садах, школах, вузах, структурах социальной защиты) складывается у респондентов на основе собственного опыта, опыта родственников, друзей и знакомых, что не позволяет им охватить картину в целом.

4. Оценка респондентами ситуации с коррупцией в стране в целом – результат восприятия позиции лидеров общественного мнения и предлагаемой СМИ версии (для каждой группы предпочтительным остается свой набор информационных источников; сохраняются так называемые «партия телевизора» и «партия Интернета»).

Эксперты утверждают, что при системном подходе к борьбе с коррупцией в государственных структурах власти она может быть искоренена за 5–6 лет (эти оценки не распространяются на «низовую», «бытовую» коррупцию).

Укорененность в массовом сознании российских граждан представления о «вечном» характере коррупции строится на убежденности:

- в ее традиционности для российского общества. Наиболее типичными являются используемые при этом ссылки на исторический опыт ряда практик давно минувших времен.

К таким практикам традиционно относятся «кормление» (было упразднено еще во второй половине XVI в. Иваном Грозным), «почести», «оплата услуг», «посулы» (эти три формы коррупционных практик были прописаны в Соборном уложении 1649 г. как норма), приемы «добывания» и обмена дефицитными товарами и услугами в советское время. (Отсылка к подобного рода «историческим корням» коррупции в российском обществе позволяет многим исследователям устранить из объясняющей модели развития этого негативного явления экономические факторы и сослаться преимущественно на социальные);

– принципиальном несовершенстве юридических норм и правоприменительных практик (в массовом сознании проявляется в актуальном более сотни лет утверждении: «Закон что дышло, куда повернул – туда и вышло»).

Отношение населения к антикоррупционной стратегии властей. В понимании современного «среднестатистического» гражданина политика разоблачений коррупционеров – это следствие:

- а) борьбы между элитными группировками;
- б) стремления очернить политических оппонентов;
- в) стремления повысить рассыпающийся/рассыпавшийся авторитет государственных институтов власти и представляющих ее персон.

Приведенные в табл. 2 результаты майского 2018 г. опроса ВЦИОМ однозначно убеждают в том, что в обществе имеет место поляризация мнений относительно природы борьбы с коррупцией. 42% респондентов склонны считать, что реальная борьба с коррупцией идет, 47% – убеждены, что все громкие дела и «посадки» являются лишь отражением подковерной борьбы элитных групп между собой, дополненным отдельными «показательными экзекуциями» неугодных или тех чиновников и публичных политиков, чьи преступления стало просто невозможно скрывать (Коррупция в России 2018).

Достаточно любопытно то, что представители самой старшей возрастной группы респондентов несколько больше, чем другие, склонны искренне считать судебное преследование взяточполучателей отражением тотальной борьбы с коррупцией. Аналогичное мнение – у жителей сел, где почти половина опрошенных высказались о реальности антикоррупционной полити-

Представление граждан о сущности антикоррупционной борьбы в стране*

Вопрос: «Одни считают, что аресты отдельных чиновников и политиков за коррупцию в последние годы – это свидетельство реальной борьбы властей с коррупцией. Другие полагают, что это всего лишь показательные акции, сведение счетов или конфликты конкурирующих кланов. С каким из этих мнений вы в большей степени согласны?»

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Варианты ответов	Все опрошенные	Города										
		18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше	Москва, Санкт-Петербург	«Миллионники»	500–950 тыс. жителей	100–500 тыс. жителей	Менее 100 тыс. жителей	Села
С первым – это свидетельство реальной борьбы властей с коррупцией	42	37	38	42	40	48	36	35	39	41	42	49
Со вторым – это всего лишь показательные акции, сведение счетов или конфликт конкурирующих кланов	47	49	51	49	50	39	53	55	49	48	46	40
Затрудняюсь ответить	11	14	11	9	10	13	11	10	12	11	12	11

* Источник: ВЦИОМ, 20–21 мая 2018 г., объем выборки – 2000 человек, телефонное интервью (Коррупция в России 2018).

ки, в то время как доля думающих так же в столице и городах-миллионниках составила только 35%. Чем меньше населенный пункт, тем больше доля его жителей, которые не признают имитационный характер антикоррупционной политики в РФ.

При анализе отношения населения к коррупции необходимо очертить круг коррупционных практик, которые граждане признают таковыми или, наоборот, отрицают их принадлежность.

На наш взгляд, крайне нецелесообразно использовать «мигрирующую» из публикации в публикацию классификацию трех форм коррупции в зависимости от отношения к ней населения, которая включает:

а) «черную» коррупцию (действия коррупционеров, которые осуждаются всеми/почти всеми слоями общества);

б) «белую» (действия коррупционеров, вызывающие лояльное или нейтральное отношение всех/почти всех слоев общества);

в) «серую» (действия, в отношении которых консенсус в социуме отсутствует).

Выделение этих групп основано на оценочных категориях и не позволяет адекватно верифицировать используемую систему интерпретации (например, «почти все» слои общества).

Распространенность коррупционных практик среди российской молодежи. Отношение населения к коррупционным практикам определяется их формой. Так, «бытовая» коррупция в виде «благодарности» традиционно рассматривается гражданами как способ «оптимизации решения проблемы при минимизации затрат» (временных, технических). Например, общероссийское исследование молодежи (СПбГУ, ноябрь 2015 г., госзаказ) показало достаточно высокую готовность людей в возрасте до 30 лет к решению различных вопросов с помощью связей, блата, вознаграждения (таких нашлось 39%). Более того, реальный опыт применения этих средств имели 18% молодых людей.

Проведенное в октябре 2018 г. исследование¹ молодежи в четырех субъектах Российской Федерации² – Алтайском крае, Ленинградской области, Новосибирской области и Санкт-Петербурге – показало, что 21,2% молодых людей готовы использовать личные связи и вознаграждение для защиты своих интересов, что относится к «бытовым» коррупционным практикам, а 5,7% – уже имеют такой опыт. Результаты анализа свидетельствуют, что пол, возраст, уровень образования не являются дифференцирующими факторами готовности/неготовности прибегать к «бытовой» коррупции. Несколько большую склонность к этому, чем другие подгруппы молодежи, проявляют молодые люди, в семьях которых ежемесячный доход на каждого члена семьи составляет 25000–40000 руб.

¹ Исследование проведено в рамках реализации гранта РФФИ № 18-011-01184 «Роль молодежных организаций в процессе политической социализации российской молодежи». Руководитель проекта – О.В. Попова.

² Объем выборки – 1114 человек, контроль квотной несвязанной выборки – по признакам пола, возраста, образования, региона проживания; метод сбора информации – личное стандартизованное интервью.

(30% от подгруппы)¹, а также жители маленьких городов или поселков городского типа (30,6% от подгруппы)². Различие этого показателя между субъектами РФ достаточно существенно: если в Алтайском крае только 16,3% молодых людей высказались о подобных коррупционных практиках как приемлемых для себя³, а в Новосибирской области – 19,6%, то среди молодежи Ленинградской области потенциальных коррупционеров среди молодежи в возрасте до 30 лет насчитывается уже 22,4%, а среди жителей города федерального значения Санкт-Петербурга – 26,8%⁴.

Однако анализ ответов на вопрос о реальных практиках показал, что к дифференцирующим факторам следует отнести уровень образования (среди обладателей среднего профессионального образования несколько больше, чем в других групп, доля тех людей, которые уже использовали блат и личные связи – 8,9% от подгруппы)⁵, возраст (8,9% опрошенных 22–25-летних прибегали к использованию «бытовой» коррупции)⁶ и уровень доходов (8,9% представителей семей с очень скромными доходами от 10 до 15 тыс. руб. имеют такой опыт)⁷. Несколько меньше, чем в других населенных пунктах, молодежь из средних по численности населения городов областного подчинения совершала подобные действия (только 2,9% от подгруппы)⁸. При этом значимых различий в степени распространенности «бытовых» коррупционных практик среди молодежи, проживающей в четырех названных выше субъектах, обнаружено не было.

Полученные в наших исследованиях результаты восприятия молодежью коррупции существенно отличаются от излишне оптимистичных выводов некоторых исследователей, убежденных, что данная социально-демографическая группа «рассматривает ее прежде всего как совершенно неприемлемое социальное явление. Это становится основой для формирования у российской... молодежи устойчивых, долговременных отрицательных установок по отношению к коррупции и позитивных

¹ Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен +2,9.

² Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен +2,1.

³ Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен –1,7.

⁴ Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен +1,9.

⁵ Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен +1,8.

⁶ Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен +2,1.

⁷ Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен +1,7.

⁸ Стандартизованный остаток для этой подгруппы равен –1,7.

установок по поводу эффективных мер антикоррупционной политики» (Касабуцкая и др. 2018: 45).

Вопрос о сосуществовании в сознании российских граждан наиболее распространенной ценности «справедливость» и принятия/оправдания некоторых коррупционных практик решается ими предельно просто: восприятие социального неравенства как тотальной несправедливости современной российской действительности, осознание большинством населения наличия у чиновников неоправданных привилегий символически и психологически компенсируются явностью, очевидностью коррупционных действий в высших слоях общества и «растворением» в массовом сознании бытовых форм коррупции. В этом – одна из причин традиционно более жесткого отношения населения к коррупционным действиям высокопоставленных чиновников, чем рядовых граждан.

Институты гражданского общества как элемент мобилизации антикоррупционно настроенных граждан. Значимую цель формирования антикоррупционного сознания активной общественности и распространения сведений среди граждан России о программах антикоррупционной борьбы могут взять на себя структуры гражданского общества. В Российской Федерации в настоящее время выстроена и действует достаточно целостная система общественных организаций различного уровня (международные, всероссийские, межрегиональные и региональные).

Наиболее активными международными организациями являются «*Transparency International*» и Ассоциация сертифицированных специалистов по расследованию хищений (*ACFE, Association of Certified Fraud Examiners*), первая из которых занимается преимущественно сравнительными исследованиями распространения коррупции в различных странах, вторая – профессиональной поддержкой специалистов по безопасности бизнеса.

Общероссийская общественная организация «Общественная комиссия по борьбе с коррупцией», Общественная организация «Национальный антикоррупционный комитет», горячая линия «Стоп коррупция» Общественной палаты РФ, Департамент экономической безопасности и противодействия коррупции Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Общероссийская общественная организация «Комиссия по борьбе с коррупцией», «Российское антикоррупционное пар-

тнерство» – это лишь немногие из списка общественных организаций всероссийского уровня, которые ставят своей задачей борьбу с этим негативным явлением.

Среди тех всероссийских организаций, для которых борьба с коррупцией входит в список приоритетных задач, можно назвать следующие: Общероссийская общественная организация «Общество защиты прав потребителей образовательных услуг», Общероссийская общественная организация «Союз заемщиков и вкладчиков России», РСПП, «Опора России», «Деловая Россия».

В настоящее время функционируют такие межрегиональные общественные организации, как «Северо-западный центр противодействия коррупции в органах государственной власти», Межрегиональная общественная организация «Общественный антикоррупционный комитет», Межрегиональная общественная организация «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти», Фонд «ИНДЕМ».

На региональном уровне действует целая система общественных организаций, которые декларируют в качестве приоритетной цели борьбу с коррупцией (например, Московская областная общественная организация «Антикоррупционный комитет», Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, Партнерство по противодействию коррупции в Самарской области); некоторые структуры рассматривают ее как одну из равноположенных с другими функцию (например, Автономная некоммерческая организация «Союз экспертиза» Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Торгово-промышленная палата Российской Федерации, Ассоциация адвокатов России за права человека).

Возможности взаимодействия органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях с общественными организациями в области борьбы с коррупцией определяются совпадением стратегических целей этих структур при решении следующих задач: а) формирование антикоррупционного мировоззрения, правосознания и установок граждан, в частности государственных служащих; б) формирование эффективных механизмов общественного контроля за счет расширения доступа активной общественности к информации, связанной с методами и результатами выполнения государственными органами своих функций; в) совершенствование

антикоррупционных механизмов функционирования управленческих институтов.

Отдельные незарегистрированные объединения, например «Фонд борьбы с коррупцией», тесно связанный с А. Навальным (согласно ФЗ «Об общественных объединениях» они могут и регистрироваться, и оставаться незарегистрированными), также прилагают значимые усилия для привлечения внимания населения и властей к проблеме разлагающего влияния коррупционных практик.

* * *

Итак, можно сделать следующие выводы об особенностях массового восприятия коррупции гражданами России:

1. Наблюдается декларативное распространение на все виды коррупции неприятия нескольких ее форм – подкупа, взяточничества, мошенничества с государственными средствами (казнокрадства).

2. Мнение о тотальной коррупции в госструктурах разделяют все социальные группы.

3. У значительной доли населения (безотносительно статуса и уровня социальной принадлежности) имеет место высокая степень заинтересованности в использовании коррупционных действий для решения своих проблем.

4. Взятка на бытовом уровне часто рассматривается как «цена» разрешения конфликта ценностей, например в ситуации выбора между ценностью жизненного успеха близких и ценностью жить правильно и поступать по закону/по совести.

5. Типичными можно признать практики исключения рядовыми гражданами из списка коррупционных действий тех, которые они совершают сами (поступки, связанные с оказанием «взаимных услуг», подарками, блатом, протекционизмом).

6. Типичными являются и двойные стандарты в оценке коррупционных практик в парадигме «свои-чужие» («свои» если что-то и нарушают, то вынужденно; «чужие» – рангом выше – виновны априори) (Китова и др. 2017: 10-11).

7. Наблюдается более терпимое/лояльное отношение к коррупции в целом, чем это было в конце 1990-х гг., на фоне сохранения высокой степени неприязни к чиновникам-коррупционерам.

8. Синдром привыкания к коррупционным практикам можно рассматривать как результат отчуждения населения от власти.

9. Необходимо признать субъективное повышение оценки статуса индивида, если он обладает ресурсами, позволяющими ему оказывать покровительство другим (парадигма «патрон-клиентских» отношений).

10. Представляется недостаточным постоянно педалируемое и в официальном политическом дискурсе, и в научных публикациях объяснение изменения отношения граждан России к коррупционным практикам как следствия столкновения многовековых традиций с временным несовершенством антикоррупционного законодательства, низкой эффективности борьбы с коррупцией в целом. Во многом проявляющееся отношение населения к коррупции в стране есть итог предельного отчуждения большинства населения, несмотря на формально существующие демократические институты, от современного российского государства. Несмотря на разруху в 1990-х гг., после окончания «перестройки» у рядовых граждан сохранились иллюзии относительно природы нового государства и надежда на то, что это государство будет «наше», то есть будет принадлежать народу, отражать его интересы. Следовательно, дисфункция работы государственных институтов и чиновников, коррупция и воровство воспринималась многими гражданами страны как их личная проблема. По прошествии более чем четверти века существования нового российского государства оценка его природы у большинства населения страны меняется. Поскольку реально построенное за эти годы государство воспринимается значительной частью населения как «государство чиновников», «государство олигархов», «государство продающей страну политической элиты», то и бытовая коррупция, пусть неосознанно, но оценивается многими гражданами нашей страны как морально приемлемый способ решения своих проблем в обход этого «чужого» государства.

Материал поступил в редколлегию 20.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беришвили Н. 2018. Россияне оценили уровень коррупции в учреждениях страны [Электронный ресурс], 5 марта. URL: <https://iz.ru/716072/nataliia-berishvili/rossiiane-otcenili-uroven-korruptcii-v-uchrezhdeniiakh-strany> (дата обращения: 30.08.2018).

Касабуцкая М.С. и др. 2018. Восприятие коррупции в сознании молодежи России и Китая / М.С. Касабуцкая, Е.А. Ковтун, А.В. Петров, С.Д. Савин // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 40-45.

Китова Д.А. 2016. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Рос. акад. наук. Социал. и эконом. психология. Т. 1, № 4. С. 145-167.

Китова Д.А. и др. 2017. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы / Д.А. Китова, А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, А.В. Юревич // Институт психологии Рос. акад. наук. Социал. и эконом. психология. Т. 2, № 3 (7). С. 7-38.

Коррупция в России: мониторинг, 01.06.2018 [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139> (дата обращения: 30.08.2018).

Леонтьева Э.О. 2010. Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян // Политика. № 1 (56). С. 45-51.

Мухаметшина Е. 2017. Россияне против коррупции во власти, но к бытовым взяткам относятся спокойно [Электронный ресурс] // Ведомости. 28 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/28/682969-rossiyane-protiv-korrupsii> (дата обращения: 30.08.2018).

Указ Президента РФ от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (дата обращения: 30.10.2018).

Olga V. Popova, Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: pov_64@mail.ru; o.popova@spbu.ru

FEATURES OF PERCEPTION OF CORRUPTION PRACTICES BY POPULATION OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes transformation of the Russian population's attitude towards corrupt practices and its individual forms in the last decade, as well as to the country's anti-corruption policy. Data of the All-Russia Public Opinion Research Center (VCIOM) monitoring on this topic from 2005 to the present are given. Results of All-Russian study (St. Petersburg State University state order, 2015) and interregional study (RFBR grant, 2018), which allowed assessing a prevalence of corrupt practices among Russian youth in all regions, are presented.

The article identifies vectors of changes in state anti-corruption policy in the period from 2006 to 2018 based on an analysis of top state officials' discursive practices and regulatory state acts. The author substantiates

thesis about dependence of public perception of common corrupt practices on cultural norms adopted in society and particular social stratum, the functioning effectiveness of government structures in the state, strategies of state anti-corruption policy, and interpretation of corruption's nature in official discourse.

Mass spread in all social groups of the idea of total corruption in state structures, syndrome of addiction towards corrupt practices due to alienation of people from power, more loyal attitude towards corruption against a background of continuing hostility towards corrupt officials, double standards in assessing corruption practices in the paradigm of "friend-foe", the attitude towards bribery at household level as the "price" of resolving a values conflict are analyzed.

In addition, the author identifies most typical methodological problems that researchers face when studying the attitude of the population towards corrupt practices, and corruption in the country as a whole.

Keywords: corruption; corruption practices; corruption perception; fight against corruption; population; youth; public opinion; empirical research; methodological problems of research.

References

Berishvili N. *Rossiiane otsenili uroven' korruptsii v uchrezhdeniyakh strany* [The Russians estimated the level of corruption in the country's institutions], March 05, 2018, available at: <https://iz.ru/716072/nataliia-berishvili/rossiiane-otsenili-uroven-korruptcii-v-uchrezhdeniakh-strany> (accessed August 30, 2018). (in Russ.).

Kasabutskaya M.S., Kovtun E.A., Petrov A.V., Savin S.D. *Vospriyatie korruptsii v soznanii molodezhi Rossii i Kitaya* [Perception of corruption in the minds of the youth of Russia and China], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2018, no. 2, pp. 40-45. (in Russ.).

Kitova D.A. *Otnoshenie naseleniya k korruptsii i korruptsiionnym pravonarusheniyam: empiricheskiy analiz* [Attitude of the population to corruption and corruption offenses: an empirical analysis], *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2016, vol. 1, no. 4, pp. 145-167. (in Russ.).

Kitova D.A., Zhuravlev A.L., Sosnin V.A., Yurevich A.V. *Korruptsiya kak ob»ekt sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy: sostoyanie i perspektivy* [Corruption as an object of social and psychological research: status and prospects], *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2017, vol. 2, no. 3 (7), pp. 7-38. (in Russ.).

Korruptsiya v Rossii: monitoring [Corruption in Russia: monitoring], June 01, 2018, available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139> (accessed August 30, 2018). (in Russ.).

Leontieva E.O. *Vospriyatie korruptsii v stereotipakh massovogo soznaniya rossiyan* [The perception of corruption in the stereotypes of the mass consciousness of Russians], *Politiya*, 2010, no. 1 (56), pp. 45-51. (in Russ.).

Mukhametshina E. *Rossiiane protiv korruptsii vo vlasti, no k bytovym vzyatkam otnosyatsya spokojno* [Russians are against corruption in power, but they are calm towards domestic bribes], *Vedomosti*, 2017, March 28, available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/28/682969-rossiyane-protiv-korruptsii> (accessed August 30, 2018). (in Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 29 iyunya 2018 goda № 378 «O Natsional'nom plane protivodeystviya korruptsii na 2018–2020 gody» [The decree of the President of the Russian Federation from June 29, 2018 № 378 “About the National anti-corruption plan for 2018–2020”], available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (accessed October 30, 2018). (in Russ.).